

Педагогика индивидуальной поддержки: в Лондоне, Париже и в Москве

Путешествие дилетанта «галопом по Европам»

Нинэль ЛОГИНОВА, журналист

Лет двадцать назад я рассказала в «Литгазете», как молодой болгарский академик (физик), перелистав учебники 1-го класса, ужаснулся: «Я знаю своего сына, он не захочет это читать». Вместе с другом-художником он сочинил для сына единую книжку (она же тетрадь), куда вошли и букварь, и арифметика, и... в общем, понемногу обо всём. Местный Минпрос издал книжку и предложил испытать в ряде школ. В учебнике было всё перепутано (под лягушкой написано «ку-ка-ре-ку», под гусем — «ква-ква», « $1+2=5$ »), и дети входили в азарт, за неделю выучиваясь читать, писать и распутывать головоломки. «Буквар» (так по-болгарски) нельзя было достать, и академик подарил мне свой экземпляр. Едва мой очерк «Азбука для Буратино» вышел, как мне позвонили из нашей Академии педагогических наук: «Дайте книжечку посмотреть». Помню, я оторопела: «Вы по заграницам ездите, неужели не собрали всё самое интересное?» На том конце провода — тяжкий вздох: «Мы ездим доказывать наше преимущество».

Я не педагог и школу сейчас прохожу в пятый раз — вместе с детьми и внуками. Думаю, что школа — единое мировое пространство, где нет первых, самых умных, чемпионов, а есть вечная задача вызвать у детей жажду знаний. Как в медицине «соревнование» стран — глупость. Списывать позволено у всех: у французов, у бурятов, у китайцев, кто бы ни выдумал чего эффективного — нате, берите. Однажды подержала в руках голландские тетрадки — до сих пор тоскую по ним: не клетка, а миллиметровка, и ребёнок пишет ровно-ровно, мелко-мелко, и цифру ставит прямо, а не вбок (кстати, наклонных цифр давно уже нет в мире, только у нас).

В этих заметках я передаю свои впечатления о заграничной школе. И хотела бы узнать чужие. Любые. Мне безразлично, как «мы» выйдем. «Цапнуть» умную технологию — вот что надо. И поскорее.

«ЛИЧНОЕ ДЕЛО» ЗА УЧЕНИКОМ НЕ ХОДИТ

Мой внук Тёма окончил в Москве 3-й (он же 4-й) класс школы и уехал к маме в Лондон. Мы тщательно подготовили все документы за 3 года учёбы (оценки, медкарту, даже краткую характеристику). Я не могла себе представить, как он начнёт учиться там, практически не владея языком. Но в лондонской бесплатной школе за уг-

лом от дома документов не спросили, кроме карты прививок (если бы её не было, их бы сделали, с нашего согласия). Его оценки за прошлые годы, незнание языка, тем более характеристика дирекцию не интересовали. Его записали по возрасту (10 лет) в 6-й класс (последний год обучения в «школе 1-й ступени», куда поступают 5-летние дети и выходят 11-летние). Выдали вишнёвого цвета матерчатый портфель, учебники по всем предметам, тетради и ручки. Носить в школу надо было только тетради. До-

машинные задания он приносил только в пятницу на листках, распечатанных на компьютере, — обычно требовалось что-то написать или решить прямо на этих листках. Вместо оценок клеили ему в дневник золотые («отлично») или серебряные («хорошо») звёздочки. Их надо было накопить, тогда клеили крупные звёзды. Плохих оценок здесь нет, но и звёздочки нет, если ошибок много.

Приняли его никак: ну ещё один «некоренной», подумаешь. Вон два японца, три араба, четыре индуса, китаец... Но так как он был первым русским в этой школе, то дети из других классов бегали на него смотреть. Влетает на перемене стайка, окружает: «Тим? Раша?» Убежали, возвращаются наполовину в другом составе: «Раша? Тим?» Агрессии никакой, но и интерес быстро иссяк. Привыкли. Хотя девочки подходили и говорили, указывая друг на друга: «Она любит тебя» — и убегали. Тёма смеялся и считал это шуткой. Потом стал находить в карманах своей куртки то колечко, то браслет из бусинок, прочую детскую бижутерию. Складывал её в прихожей на подоконник.

Почти ежедневно директор и учителя присылали нам записки (тоже распечатки с компьютера), где предлагали разные формы досуга на уик-энд, адреса кружков, секций; просили записаться на «родительский визит» — встречу с любым педагогом, чтобы поговорить об успехах или проблемах Тёмы; а также советовали не затягивать с выбором «школы 2-й ступени» (с 11 лет), давали адреса ближайших школ, их «уклоны» в предметы, их рейтинги в районе. Дирекция нашла педагога, который немного знал русский язык, и он подсаживался к Тёме на уроках и немного помогал ему. Но — не каждый день.

Сева Новгородцев (радио Би-би-си), живущий здесь 20 лет, сказал мне, что дополнительные занятия по языку не нужны, Тёма автоматически через месяц заговорит: «Нет лучшего учителя, чем дети». Но мы всё же наняли (ещё в августе) молодого англичанина, не говорящего по-русски. Он быстро выяснил те 30–40 слов, что были у Тёмы в активе, и повёл разговор. Уже на 7–8-м уроках я перестала понимать их беседу. Но в школе Тёма первую неделю молчал, и его не тревожили.

В ШКОЛЬНОМ МЕНЮ — НИ ГРАММА СЛАДКОГО

9 сентября (я записала это число) он рассказал, что учительница спросила его, есть ли у него

еда с собой или он пойдёт в столовую. «На меня все ребята смотрели, поэтому я вдруг вспомнил слова и сказал: «I have no food in my bag» («у меня нет еды с собой»). До этого дня он просто таскался за детьми в столовую, как в Москве, и его никто ни о чём не спрашивал. Оказалось, за еду надо присылать с ним еженедельную плату, о чём мы и получили в тот день записку. И ещё оказалось, что еду можно давать с собой (Тёма сперва сказал нам, что в школе своего не едят). Я купила ему ланч-бокс (пластмассовый чемоданчик с отделениями для бутербродов, воды и фруктов), и назавтра Тёма явился с деньгами на столовую и со своей едой. Учительница растерялась. «Или — или...» — говорит. Теперь мы растерялись: «Почему нельзя и то и другое?» Нас не поняли и назначили встречу с директором. Директор повторил: «Или — или». Моя дочь уже три года живёт там и потому твёрдым голосом сказала, что это «наше дело», что мы будем и платить, и с собой давать. Директор вынес вопрос на педсовет. Мы хотели дома над этими странными порядками: «Нашли проблему!» На другой день нам объявили, что Тёме «разрешено то и другое (в порядке исключения), только чтобы дети не видели». Учительница объяснила ему, что ланч-бокс он должен хранить в своём шкафчике и после столовой брать его и быстро бежать в ту комнату, где дети едят своё. Короче, Тёме скоро наскучило бегать, и он перестал приносить еду. Я обдумывала эту нелепую ситуацию, потом поняла примерно следующее: здесь мы беспокоимся, что ребёнок в школе остался голодным, что не съел синюю котлету и «солянку», жёсткую печёнку с холодной гречкой и т.д., потому и крутим ему в портфель свёртку с подкормкой. Там этого спокойствия в природе нет (причина простая — качество еды в магазине, в столовой не отличается от домашнего). Потому на нас и смотрели как на инопланетян, искренне не понимая, почему «так много» еды хотят эти русские. В классе на подоконниках стоят бесплатные бутылки с минеральной водой, в столовой — баки с молоком и чаем (хоть упейся), горячее давали что-то вроде набора из «Макдоналдса» — бигмаки, шарики из курицы, индейки, мяса или рыбы плюс фрукты. Не сразу, постепенно мы успокоились и перестали думать о школьной еде...

«ПЕРВЫЙ ПАРЕНЬ» ПО МАТЕМАТИКЕ

Каждый день я допрашивала, чем сегодня занимались. Тёма отвечал неопределённо, мекал, бекал, пожимал плечами: «Пели хором... Играли

в футбол... Был английский... Ещё была смешная математика, сложение двузначных чисел...» (Тёма ещё в Москве в 3-м классе решал уравнения по учебнику Л. Петерсон, знал множества Венна и прочие прелести. По вечерам мы с ним продолжали идти по этому учебнику — он получал от него удовольствие.) С математикой мы успокоились (Тёма получал крупные звёзды и был объявлен «первым» в классе). По истории они проходили что-то смешное — рисовали карту Индии и портрет Ганди, читали о каких-то событиях в Древней Индии (бывшая английская колония, обожаемая и изучаемая здесь до сих пор во всех подробностях). В октябре он начал понимать, что говорят учителя на уроках, но руку ещё не поднимал, а подходил на перемене и что-нибудь уточнял в домашних заданиях. Короче, моё беспокойство постепенно угасало.

...Но тут выяснилось, что по семейным обстоятельствам дочери и внуку предстоит уехать во Францию, что Тёма уже записан там в школу того же уровня, что документов никаких не надо (вообще «бумаги» здесь не идут за ребёнком, они никого не интересуют, педагоги рассматривают самого ребёнка, быстро определяют его уровень и начинают оценивать его прогресс с этой «точки»).

...Я улетала в Москву в тот же день, что дети уезжали на скоростном поезде под Ла-Маншем с острова на «материк». Беспокойство моё — как же он там с языком, из которого не знает ни слова, — вспыхнуло с новой силой.

ЗАДАНИЕ НА ДОМ — ТОЛЬКО В ПЯТНИЦУ

Господи, до чего все школы разные! Я приехала во Францию, когда мой внук уже два месяца проучился в таком же 6-м классе, что и в Англии (то есть это наш 5-й). И застала его... счастливым. Он был влюблён в школу, готов был пропасть там до вечера, с неохотой шёл домой. Причина очень простая: его встретили с любовью, с ликованием, обнимали — и дети, и учителя. Он не знал ни единого слова, никто не обращал на это внимания, его просто обнимали. И самое смешное — в первый же день назначили казначеем класса (хотя он и во французских деньгах не разбирался). Позже я пойму, что эти маленькие «чины» — одна из форм поощрения ребёнка, давно найденная или в этой школе, или вообще во Франции. Это было первое его потрясение после радушно-никакого отношения к нему в английской школе.

Каждое утро возле нашей двери стояли дети — от одного до трёх человек, они ждали Тёму. До школы было 5–7 минут ходу, и вся компания замедляла шаг, чтобы «гулять» вместе. Так же его приводили обратно и сдавали нам с рук на руки. 10-летний Тёма, уставший без «друга» в Москве, потом в Лондоне, просто летал от радости, только и слышно было: «Мой друг Гийом сказал... Мой друг Бернар считает...»

Вторым его потрясением было то, что его сразу объявили «первым номером» в классе по-английскому и той же математике. На уроках к нему подсаживали учительницу английского, и она переводила ему с французского и обратно.

Но учёба была совсем другая, ближе к нашей московской, даже ещё более напряжённая. Я увидела его густо исписанные (корявым почерком, но по-французски) тетради со множеством вклеек — схемы, таблицы, диаграммы, графики, рисунки — по всем предметам. Здесь была биология (анатомия), которой не было в Англии. Математика была почти нашего уровня, а не для 3-го класса, как в Англии. С ним отдельно занимались языком — бесплатно. На дом и здесь задавали только в пятницу и так же держали в школе до четырёх часов — со спортивным уроком и часовым перерывом на обед и игру во дворе. Короче, после школы дети были свободны — бассейн рядом (без всяких абонементов, купи билет и плавай), парки рядом, велосипед, ролики, самокат, футбольный мяч. Как и в Лондоне, я была здесь уверена в полной безопасности ребёнка; дома мне мерещились маньяк в лифте, шпана во дворе, перекрёсток со сломанным светофором, здесь мальчика посылаешь за сметаной в лавку в 9 вечера — и ни малейшей тревоги. Мир, тишина, улицы нарядно освещены.

Я привезла Тёме компьютерные программы по английскому и французскому (купила в «Белом аисте» на Лубянке по 1000 с чем-то руб.), он стал учиться по обеим. Вот снова интересная разница. Англичане за кадром говорят ласково, но по-деловому: «Отлично!» или «Попробуй ещё раз» (то есть ошибка). Если Тёма набрал максимум очков за урок, за кадром ему аплодируют. Во французской программе, если Тёма угадывает слово, за кадром — вопль: «Фантастик! Экселенц!», то есть невидимые учителя прыгают от радости. По этой причине Тёма любил вторую программу больше, чем первую. А я ещё раз убедилась, что похвала сильнее брани. Кстати, я привезла ещё и русскую программу по биологии, и... читатель не поверит: на экране возникли портреты трёх учителей — мымыры, молодого

очкарика и старого коммуниста, — из которых предлагалось выбрать одного. Тёма выбрал всех троих по очереди, и все трое за неверный ответ рявкали на него: «Ты не справился с уроком!», «Ты плохо подготовился!» Рисунки были тусклые, объяснения сухие и скучные, впечатление тоскливое. Тёма сразу остыл к биологии, и программа была выброшена. Тут надо сказать, что ребёнок обожает Брэма и Фабра, собирает факты из мира природы. Вот лишь одна картинка. Показываю ему что-то ползущее в траве и слышу крик: «Какая ты везучая! Только приехала и сразу нашла красного слизня! Я мечтал его увидеть! Только на картинке видел!» После чего эта гадость была посажена в банку и изучена.

РУССКИЙ ГЛАГОЛ ПОД НАТИСКОМ ФРАНЦУЗОВ

Жаль было терять русскую историю, едва начатую в Москве. И мы по вечерам читали Карамзина — он субъективный: одного князя хвалит, другого ругает, у ребёнка глаза по ложке — как это князь легковерный, а царь зловерный. Интрига возникает. Много цитат из летописей, а в них всё живое: голос монашка слышен, то плачущий, то ликующий. А когда псковитяне придумали дырок насверлить в стенах и буравить поляков изнутри крепости, это уже и Брэма затмевает. Вот так Тёма полдня исписывал тетради по-французски, а вечером — по-русски. Но однажды диктую ему карамзинский пассаж: «Отвращение ко злу есть...» — он пишет и вдруг пугается: «Ой, я «ко злу» отдельно написал, а надо...» Я молчу. Он начинает смеяться. А мне впору лить слёзы — русский стал забывать.

На это жалуются все родители, живущие за границей. Осваивая облегчённую английскую пунктуацию, дитя заодно и нашу облегчает, дополнительные идут без запятых. А когда видит, сколько нечитаемых букв подвешено к французским словам, то и наши попадают под подозрение, и вот уже «я участвую» в конкурсе, а стол был полон «явств». 16-летнего русского, живущего там, не заставишь прочесть «Евгения Онегина» (почему-то именно этот пример все приводят как предел падения). Нет, русский язык не дам потерять. Будем биться.

На Рождество мы едем в Нормандию и слушаем экзотическую (для нас) мессу в соборе, а когда все дети сорвались с мест и побежали к «яслям», где девочка баюкала куклу, маленькая французенка, пробегая мимо, сделала Тёме та-

кие «глаза» («Что ж ты стоишь?»), что и он кинулся туда — петь с детьми аллилуйю мадонне. Поступок, ему не свойственный. Все прихожане обнимались и целовались.

Через месяц Тёма начал трещать по-французски с друзьями и «вдруг» (его слово) стал понимать учительницу на уроке, но тут консульство отказалось продлить дочери визу («другим русским тоже — из-за войны в Чечне», так объяснили). Мои дети засобирались обратно в Англию. Гийом, Бернар и другие, особенно девочки, трогательно прощались с Тёмой, давали адреса. «Я бы хотел всегда учиться в этой школе», — тихо твердил Тёма всю обратную дорогу.

ЗА ЧТО УВОЛИЛИ УЧИТЕЛЯ

Учебный год в Англии тянется до 25 июля. На мой вопрос, почему, педагог ответила, что у родителей ведь нет трёхмесячного отпуска, к тому же большой перерыв сводит на нет учёбу. Зато в течение года у ребят много мелких передышек — по неделе, не считая долгих Рождественских и Пасхальных. То есть учатся те же 35 недель. Заканчивать начальную школу (6-й класс) Тёме пришлось по новому адресу (раньше жили на юге Лондона, теперь в центре). Уроки давались ему без особого труда, математика снова стала «бузовой», история — забавной и лёгкой, по-английски он заговорил, учителей понимал, общий его настрой был унылый — всё не мог забыть любовь, в которой купался во французской школе. Тосковал по друзьям.

Из предметов его заинтересовала «сайенс» («наука») — сборная солянка из физики, химии, биологии. Сперва живо пересказывал мне уроки о магнитах, флоре пустынь, составе воздуха. Потом будто заскучал, и вытянуть из него, про что сегодня был урок, стало невозможно: «Не помню» — и всё.

И вдруг признался, что ненавидит «тычу» (учительницу). Странное для него слово «ненавижу», настолько он дружелюбен со всеми. Наконец вытягиваю из него эпизод: «У неё на столе стакан с карандашами. А Хусейн и его дружки крадут у меня карандаши, ручки, ластики просто так, это у них считается шуткой. Надо чертить таблицу, прошу у «тычи» карандаш, она говорит, надо иметь свой. Говорю, украли, отвечает: «Итс нот май проблем» (не её дело). Сижу весь урок и ничего не делаю. Она видит и улыбается. Почему?» Не могла ему объяснить. Но история повторилась ещё дважды, один

к одному (Тёма приносил пустой листок с урока, был особенно уставшим и апатичным. Пока я не догадалась класть ему в карман огрызок карандаша, простой ластик и дешёвую ручку). И тут меня заинтересовал Хусейн — что за шутник.

Тогда Тёма признался в другой своей драме: трое арабов — высокие, упитанные мальчики — были хозяевами на футбольном поле. Они делили класс на команды, при этом Тёму не учитывали, просто не видели в упор. «И что ты делаешь?» — «Сижу на скамейке и смотрю игру. Или ухожу». — «А учитель где?» — «Это не урок, а игра после ланча». Отвечает мне, на лице страдание. Вижу, долго скрывал, не хотел сознаться, что он — аутсайдер. «Почему они враждебны к тебе?» После паузы: «Потому что я русский». — «Ты уверен?» — «Они меня обзывают «раша, раша» и хохочут». Подробно спрашиваю, как часто и кого ещё они дразнят. Выясняется, что с англичанами они заискивают, себя ставят «на второе место», а индус, японец, русский — это как бы третий сорт.

Поскольку на дворе июль и всего пара недель до финиша, то я уговорила Тёму потерпеть: эта школа навсегда уходит из его жизни вместе с «тычей» и Хусейном «второго сорта». Но дочь, узнав про это, немедленно пошла к директору. Он тут же созвал учителей, те стали ахать и охать. Директор был подавлен: «Мы не знали... Будем с ней говорить».

Назавтра я увидела эту учительницу в коридоре школы. Молодая, красивая, с нестандартной фигурой: до пояса размер 46, ниже — 56. Она беседовала с женщиной, возможно, матерью ученика, и голос у неё был щебечущего типа. Но тут к ней обратилась девочка лет восьми, и учительница наклонилась к ней и заговорила свистящим голосом, а от выражения её лица я содрогнулась.

Через день начались зачёты и тестирование. Интересно, что учитель выводит свою оценку по предмету, а группа других учителей проверяет ученика по тестам (десятки вопросов по тому же предмету на «да-нет» или «выбери правильный ответ»). Если обе оценки расходятся на два балла, собирается педсовет. «Тыча» поставила Тёме «3», а тест показал «5». Педсовет долго заседал и уволил «тычу». Для школы это не трагедия — педагогическое агентство тут же прислало нового учителя из тех, что давно ждали места.

Тут подошёл день прощального спектакля «Дикая природа», который класс готовил весь месяц (отменялись разные уроки ради спевки). Тёме выпала роль дельфина, ему сшили и выдали

жёлтую майку с белым нагрудником и чёрной бабочкой, жёлтые штаны с наклеенными плавниками и полумаску из картона. Мы поехали в знаменитый собор с колокольной на улице Марилебон, где хоры были заполнены настоящими певцами, а дети стояли цепочкой между рядами. Но едва началась музыка, они «полетели», «поскакали», «поплыли» — каждый в своём образе — на подиум. Звери, птицы и рыбы, олени, кабаны и стрекозы собрались толпой и обратились к человеку (к нам) с мольбой о пощаде. Мы услышали настоящую оперу часа на полтора: «Дикие... Они пришли на Землю раньше нас... Они выходили из воды... Их приносил ветер... Они такие же хозяева, как мы... Давайте научимся жить рядом с ними...» Музыка была изумительная, детские голоса чередовались с настоящим хором, многие зрители утирали глаза. Я и не подозревала, какое грандиозное действо готовила обычная школа (потом Тёма скажет, что это была тайна от нас). На обратном пути я спросила, какую роль он хотел бы сыграть. «Самую загадочную. Она досталась одному мальчику. Он мог делать что угодно! — вздохнул Тёма. — Он играл планктон».

ВМЕСТО УРОКА — ЛИТЕРАТУРНЫЙ САЛОН

Школа 2-й ступени (с 7-го по 13-й класс), куда привели Тёму, — это шесть зданий в большом парке и три футбольных поля (всё-таки они фанатики этой игры). Директор сразу спросила нас, были ли у Тёмы проблемы с одноклассниками в той школе. Услышав «да» (с кратким пояснением), замечательно среагировала. «Немедленно, — говорит, — сообщите мне, если начнутся проблемы здесь! Мы не допустим никакой дискриминации. Рассадим, поменяем класс, а в трудном случае исключим ученика, который позволит себе...» и т.д.

Мы купили здесь же школьную форму — два свитера с вышитым зелёным деревом на груди (эмблема школы) и четыре форменные футболки. (Школа имеет приставку «арт», то есть уклон в искусство, поэтому форма такая свободная; в соседних школах — это пиджаки разных цветов, галстуки, головные уборы, даже обувь.) Ещё купили кучу книг по всем предметам — не обязательных (эти дают бесплатно), а дополнительных, невероятно красивых.

...Это было в августе, учёба началась 9 сентября (дата у всех школ своя, кому как удобно), а

теперь май, и можно оглянуться и сделать общие выводы. Действительно, никаких «тех» проблем в этой школе не было (из соседнего класса почти сразу исключили драчливого мальчика; у нас тоже когда-то вышибали из школы, теперь — не очень, но разница в том, что здесь можно просто явиться в другую школу и сразу сесть за парту, «личное дело» не идёт за ребёнком, как у нас). Тёма оказался «первым» по французскому языку и всё по той же математике. Интересно, что на 28 учеников в классе приходится 19 учителей (из них шестеро ведут языки — иностранный и родной — по группам). Два учителя ведут историю — один идёт по хронологии, другой — что-то вроде «рассказов по истории». Двое ведут математику (разницу я не уловила). Есть такой предмет — технология: изучают (сперва сделав чертёж) все мыслимые инструменты, какими работает человек. Спасибо школе Тубельского (№ 734), где Тёма учился в Москве, — он оказался знатоком в этом предмете (благодаря прекрасным мастерским и таким же педагогам); местный учитель дотошно объяснял технику безопасности и долго не решался дать инструмент, особенно слесарный, в руки детям, а Тёма сразу предложил показать, как это всё работает; учитель был счастлив.

Вот несколько картинок учебных будней.

Задание на дом: нарисовать трёх из шести жён Генриха VIII, его самого «в важный момент жизни», его сына Эдварда (героя сказки «Принц и нищий») и дочь Елизавету — на одном листке в шести квадратах. К каждой картинке написать пояснение: кто это, годы жизни, с какими историческими событиями связан, причины смерти (например, казнь). Идём в школьную библиотеку. Тёма говорит девочке (ученице) за компьютером: «Мне нужны Тюдоры». Она набирает «Тюдор» и говорит: «13-й стеллаж, 91-я полка». Из множества книг, толстых и тонких, выбираем три — с картинками. Специально пошли в Национальную галерею смотреть портреты всех этих персонажей. Один из квадратиков, срисованных Тёмой со старинной гравюры, был сватовство Генриха VIII к Екатерине Арагонской. «А жён Ивана Грозного мы почему-то не изучали», — упрекнул меня Тёма. И правда, наша история (даже в детском изложении) совсем не берёт личность монарха, а только «народные волнения»; здешняя — наоборот, все достоинства, привычки и пороки короля скрупулёзно опишет, вот он и западает в память ребёнка как живой.

Интересно построен урок литературы (наши методисты возмутятся, но я пишу только факты

без оценки). В 7-м классе учатся 11-летние дети. У каждого с собой книжка по выбору — от классики до современного детектива. На каждом уроке все по очереди рассуждают о прочитанном за неделю, заодно пропагандируя (или нет) свою книгу. Учитель добавляет сведения об авторе, может доказать, почему не стал бы зря тратить время на это чтиво. Тёма сперва носил «Тома Сойера» (читанного ещё по-русски, надеялся, это поможет), потом «Алису» (те же надежды), потом Оскара Уайльда (заскучал, так как в оригинале это трудный для него автор), потом какой-то местный детский бестселлер, так как «весь класс это читал». Особого успеха на этих уроках он не имел (естественно). Но хорошо, что 11-летние вообще учатся говорить о книгах. Дома такие беседы — норма, но чтобы с ребятами?! О книгах?! Нет, думают наши дети — только компьютерные игры, музыкальные хиты, видео и прочий ширпотреб.

СЕМЁРКА С ПЛЮСОМ — ВЫСШИЙ БАЛЛ

Что задают по рисунку? Рассыпать на листе бумаги мелочь из портфеля — линейку, точилку, карандаш, маркер, что угодно, — и нарисовать с тенями. Положить ручные часы на чёрно-белую фотографию, нарисовать с тенями (за эту работу Тёма получил «А» со звёздочкой, то есть высшую оценку — «семёрку» с плюсом, учитель носил рисунок по этажам и всем показывал). Скопировать картину Гогена по выбору. Листали альбомы в магазинах, были в галерее. Тёма выбрал двух таитянок в красных юбках на фоне пейзажа. Учитель обещал повесить работу в фойе школы (там стоят стеклянные шкафы с детскими работами — лепка, керамика, по стенам — рисунки, живопись).

Ещё есть урок драмы. Сперва делились на пары и тройки, играли этюды: «Хорошие новости», «Что-то случилось» и т.п., потом сразу замахнулись на «Сон в летнюю ночь» Шекспира, причём каждый играет всех по очереди. (Интересно, что самым талантливым оказался самый «крутой», а точнее, буйный и дерзкий мальчик-африканец.)

Раз в месяц школа нам присылает лист с оценками по 7-балльной системе. Причём 7 и 6 («А» и «В») почти не ставят, только за разовые работы. Поэтому лучшей считается «С» (наша «пятёрка»). Против каждого предмета не одна, а четыре оценки. У Тёмы по английскому:

«успехи» — 5 («С»), «темпы продвижения» — 5 (учительница сказала, он прибавляет знания в невероятном темпе), «перспективы» — 4 (думай как хочешь, допустим, ребёнок — не прирождённый лингвист, хотя и не косноязычный, иначе дали бы «3», а не «4»), «рейтинг в классе» — «below» (ниже всех). Последняя оценка не может огорчить — вряд ли Тёма и в 13-м классе опередит ребят, для которых этот язык родной. Но что радует в этом листке — школа ставит «отлично» ученику, который хоть и переводит мне новости с экрана, но часто говорит «не понимаю», то есть она оценивает ребёнка с «его колокольни».

Мне всегда казалось, что НЕТ НИЧЕГО ВАЖНЕЕ такого подхода к ученику. Но я не уверена, что у нас получил бы «5» маленький японец, который на втором году обучения пишет «мы играть шашки».

Оценивая ситуацию в целом, могу сказать: моя тревога утихла. Дело не в отметках, а в «климате» отношений с учителями — их письменные замечания в тетрадях все до единого стимулируют к учёбе, а не бьют по рукам: «Великолепно! Я не ожидал такого!», «Ты мог бы лучше», «Не хотел бы ты переписать работу?» (Храню тетради Тёмы — первоклассника знаменитой гимназии с рецензиями: «Грязно!», «Безобразно!» и т.п. После девяти «двоек» за первые(!) английские диктанты, когда 8-летний ученик перестал спать, мы и ушли к Тубельскому «лечиться от бессонницы».)

...Лишь полгода спустя, этой зимой, у нас дошли руки до тех учебников, что купили в августе. Батюшки, прямо на обложке ученику предлагают выбрать уровень знаний! Если до «С» намерен добраться, — эта книжка для тебя. Если предпочитаешь «high level» (высший уровень), попробуй одолеть эту... Мы пока не решили, что выбрать, будем из обеих брать. Надо же сперва взвесить свои способности. □